

И. В. Никиенко

Томский государственный педагогический университет

**Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон»
в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева:
«афинский» слой***

Дискурс поздней прозы В. Д. Колупаева представляет собой синтетическое образование, возникшее в результате взаимодействия научного и художественного, институционального и персонального, пародийного и оригинального дискурсов. Синтетический дискурс романа В. Д. Колупаева «Сократ Сибирских Афин» отражает сложную индивидуально-авторскую картину мира томского фантаста, ключевые концепты которой на макроуровне двукомпонентны и содержат так называемые «афинский» и «сибирский» слои. Одна из центральных позиций в концептуальной системе романа принадлежит концепту «Апейрон» как составляющей гиперконцепта «первоначало». «Афинский» слой концепта «Апейрон» синтезируется в тексте «Сократа Сибирских Афин» с опорой на весьма неоднородную античную традицию его трактовки и демонстрирует начальный уровень персонализации институционального. Представляется, что выявленная в рамках «афинского» слоя идиоконцепта «Апейрон» асимметричная оппозиция «неопределенное – беспредельное» сохранит свою актуальность и для «сибирского» слоя.

Ключевые слова: синтетический дискурс, индивидуально-авторская картина мира, художественная адаптация нехудожественного концепта, концепт «Апейрон».

Языковая личность томского фантаста Виктора Дмитриевича Колупаева представляет собой весьма сложный феномен, поскольку совмещает черты *физика-фантаста* и *писателя-фантаста*, реализующего себя в различных формах институционального (прежде всего научного) и персонального (прежде всего художественного) дискурсов. Однако между институциональным и персональным в индивидуальном дискурсе Колупаева нет непроходимой границы – напротив, они активно взаимодействуют. В связи с этим последний роман фантаста «Сократ Си-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-14-70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

Никиенко Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета (ул. К. Ильмера, 15/1, Томск, 634057, Россия; inikienko@yandex.ru)

бирских Афин» [Колупаев, 2007] можно охарактеризовать как уникальный образец дискурсивного синтеза, в ходе которого институциональный дискурсивный субстрат подвергается особому виду персонализации, проявляющейся не просто как подчинение научного художественному, но как его сублимация, «возгонка» к философскому.

Синтетический дискурс позднего Колупаева является способом отражения и одновременно порождения его синтетической философско-художественной картины мира, важными составляющими которой являются гиперконцепт «первоначало» и конкретизирующие его гипоконцепты. Часть этих гипоконцептов («Вода», «Воздух», «Огонь», «Земля», «Число» и др.) интегрируется в гиперконцепт в процессе освоения Колупаевым античной философской (точнее, физической и метафизической, т. е. изначально синтетической, а именно – научно-философской) традиции, другая часть (прежде всего концепты «Грязь» и «Дерьмо») является сугубо авторским расширением понимания первоначала; в обоих случаях в ходе дискурсопорождения автор пользуется методом так называемого «перепева» (специфически понимаемого пародирования, целью которого наряду с созданием комического эффекта является и обогащение авторской картины мира).

Несмотря на то, что концепт «Апейрон» находится в одном ряду с перечисленными выше «античными» концептами, по целому ряду признаков (как формальных, так и содержательных) его можно считать специфичным. Отметим некоторые существенные для последующего анализа моменты:

1) концепт «Апейрон» не является для античной эпохи строго авторским, как, например, «Вода» Фалеса или «Огонь» Гераклита (об этом свидетельствует отсутствие упоминания имени Анаксимандра в первых строках статьи «Апейрон» в ряде справочных изданий по философии, например: «Апейрон <...> – понятие древнегреческой философии, обозначающее “беспредельное”» [НФС, 1998, с. 41], «Апейрон <...> – понятие древнегреческой философии, обозначающее “бесконечное”» [НФЭ, 2010, т. 1, с. 145]);

2) в отличие от многих других первоначал, Апейрон может мыслиться как некая самостоятельная субстанция только в результате гипостазирования, исходно будучи атрибутом другой субстанции (на грамматическом уровне гипостазирование осуществляется посредством субстантивации прилагательного: ἄπειρος, ср. р. ἄπειρον > τό ἄπειρον) [Там же, с. 145–146]; таким образом, имея начальное признаковое значение, этот концепт по семантике своей более абстрактен;

3) в постклассической традиции освоение имени концепта происходило не путем калькирования (ср.: ὕδωρ – вода, πῦρ – огонь: со строчной буквы – «обычные», с прописной – как первоначала), а путем прямого заимствования, которое, как представляется, до сих пор не освоено полностью в семантическом аспекте; действительно, употребление данного термина не только в учебной, но и в научной литературе, как правило, сопровождается его этимологизацией, однако вариативность перевода (как производного в целом, так и его деривационно значимых частей), а также тот факт, что мотивационное значение все же отлично от лексического, не позволяют семантизировать единицу однозначно; несмотря на наличие ясной структуры (отрицательная приставка + корень со значением предела: *предел, край, граница* как синонимы, *мера* как квазисиноним, *конец / начало* как гипонимы), процесс словообразовательного калькирования может давать результаты, порождающие нежелательный для термина разброс значений, ср.: *беспредельный* и *неопределенный*, *бесконечный* и *безначальный*;

4) как и другие концепты, реализующие идею первоначала в «Сократе Сибирских Афин», концепт «Апейрон» синтезируется из двух компонентов – «афинского» и «сибирского», причем «сибиризация» оригинальной античной идеи связывается по преимуществу с ее буквализацией, вульгаризацией, подменой истинного первоначала ложным, мнимым (подробнее см.: [Никиенко, 2012]).

Вместе с тем еще в самой исходной системе воззрений древних (до появления вульгаризирующих интерпретаторов) существовали две самостоятельные трактовки Апейрона, представленные, с одной стороны, в высказываниях милетцев (прежде всего Анаксимандра), с другой – в трудах пифагорейцев, а позднее Гераклита, Платона и Аристотеля. Специфика двух пониманий Апейрона в античности (а вторично и у Колупаева) обусловлена системной значимостью данного концепта: оппозиция Апейрона и «вещественных» первоначал (у античных философов «Апейрон» vs «Вода» vs «Воздух» vs «Огонь» vs «Земля» и т. п., у Колупаева также vs «Грязь» vs «Дерьмо») многомерна и поэтому не имеет отчетливого основания противопоставления, а оппозиция с невещественным первоначалом («Апейрон» vs «Перас», т. е. «Беспредельное» vs «Предел») одномерна и состоит из очевидно противопоставленных элементов; вследствие этого вторая трактовка была воспринята как более конструктивная и в конечном счете возобладала. Тем не менее, осознавая бесполезность любой идеи, в индивидуально-авторском варианте концепта Колупаев ассимилирует оба понимания Апейрона, выстраивая сложную иерархию на первый взгляд декоррелирующих «афинских» и произрастающих на их основе «сибирских» смыслов.

Рассмотрим компоненты индивидуально-авторского концепта «Апейрон», представляющие его «афинский» слой в философской пародии В. Д. Колупаева «Сократ Сибирских Афин».

Апейрон милетцев и «анаксимандров вопрос»

Вхождение в текст романа репрезентантов концепта «Апейрон», связанных с его милетской трактовкой, наблюдается задолго до появления среди персонажей Анаксимандра и актуализации «анаксимандрова вопроса», подразумевающего теоретическую возможность выделения в милетских первоначалах двух аспектов – «архе» (ἀρχή, скрытый источник, нечто старейшее и качественно главенствующее) и «стойхейон» (στοιχεῖον, основа, количественно преобладающая наличность) – и практическую невозможность прояснить эту оппозицию относительно Апейрона. Синкретичный признак беспредельности / неопределенности оказывается неспецифическим, и анализ сферы его приложения позволяет вскрыть глубинную связь «материальных» первоначал милетцев (в «Сибирской Элладе» Колупаева – «старотайгинцев» или «митрофановцев») Фалеса, Анаксимена и Анаксимандра, а также достроить цепочку аналогий в ретроспективе (Гесиод) и перспективе (Ксенофан, Гераклит, Парменид и др.), ср.:

- о Воде: *после кругосветного плавания Магеллана Океан из реки превратился в беспредельное море* (I, 9)¹; *Глубина не определялась. Причем дело даже было не в том, что глубина эта была огромной, а просто неопределенной и все* (I, 10);
- о Воздухе: *Понимаемый в смысле первоначала воздух невидим и не воспринимается нашими органами чувств, то есть он столь же бескачествен, как и Беспредельное Анаксимандра* (I, 19); *Анаксименова беспредельная воздухообразная Первосубстанция и дыхание Божества – синонимы* (I, 21);
- о Хаосе: *это некое бескачественное бытие, первично неразличимое состояние, в котором залегают «источники и границы» земли, неба, моря и Тартара* (I, 19);
- о Земле: *Этот конец земли мы зрим у себя под ногами – воздуху он сопределен, а низ в безграничность уходит* (I, 9);

¹ Здесь и далее ссылки на роман делаются по: [Колупаев, 2007], в круглых скобках римскими цифрами указывается номер части романа, арабскими – номер главы.

- об Огне: *В основе мира Гераклита лежит огонь, который в своей бесформенности и неопределенности отвечает всем характеристикам гесиодовского Хаоса, а также «началам» митрофановских философов* (I, 39);
- о Бытии: *неизменно, всегда равно самому себе и не имеет ни начала, ни конца* (II, 3).

Показательным является тот факт, что колупаевский рассказчик (глобальный человек) впервые «открывает» Апейрон во время водного путешествия, что не только отражает хронологию появления концепций (сначала Фалеса, затем Анаксимандра), но и представляет Апейрон как нечто естественно «вытекающее» из Воды (логически и буквально). В отсутствие оппонентов глобальный человек мысленно «высказывается» в пользу трактовки Апейрона скорее как «неопределенного» («абстрактного») первоначала, резко отличающегося от «конкретной» Воды, которая может умозрительно представляться как «архе» и чувственно восприниматься как «стойхейон»): *Беспредельное и бескачественное нечто простиралось вокруг. Не было ни воды, ни света, ни тьмы, вообще ничего не было. И это ничто не обладало никакими качествами и свойствами* (I, 10). Контекстуальная синонимия *ничто* и *ничто* в данном случае подразумевает, что глобальный человек не может идентифицировать Апейрон с чем-либо ранее определенным; таким образом, Апейрон не есть Ничто как таковое, он лишь ничто из ряда определенных сущностей, т. е. относительное, а не абсолютное Ничто, что и подтверждается далее: *Понятие Беспредельного в силу его неопределенности я постепенно начал понимать как относительное ничто* (I, 16); ср. также платоновскую оппозицию двух видов небытия, *μὴ ὄν* и *οὐκ ὄν*, которую С. Н. Булгаков комментировал следующим образом: «Мэон есть беременность, укон – бесплодие» [1999, с. 171]. Апейрон, как и мэон (в современном варианте написания – меон) – это лишь «пока еще» Ничто, так называемая «содержательная пустота» (актуально не содержащая ничего, потенциально – что угодно), способная породить все многообразие объектов наблюдаемого мира²; иными словами, относительное Ничто есть источник Всего, поэтому такое понимание Апейрона предполагает трактовку его как «архе» (а не как «стойхейон»). Сочетание в Апейроне признаков «архе» и «стойхейон» (неопределенности и беспредельности, т. е. отсутствия качественного и количественного предела) не кажется глобальному человеку логически увязанным: *<...> в этом термине сливаются воедино понятия неопределенного и беспредельного. Апейрон – это то, что остается, если мысленно отвлечься от всех качественных и количественных определений вещей. Это беспредельное, наполняющее все пространство, не знающее еще ни деления, ни форм и образований, и одновременно это есть нечто неопределенное, не принявшее еще никаких чувственных качеств. <...> Я понимал, что по существу это представление очень противоречиво* (I, 16).

Вместе с тем и самого глобального человека, и других участников симпозиума у гетеры Каллипиги, на котором разворачивается дискуссия о первоначалах, беспокоит абстрактность Апейрона, словно бы лишаящая его реальности и переводящая в разряд умозрительных конструкций: *Может, беспредельное – это некая отрицательная величина, логическая конструкция <...> некая высшая абстракция, до которой может подняться мое мышление <...> первое действительное отвлечение от всякого чувственного восприятия* (I, 16); поэтому симпозиасты пытаются если не опредметить Апейрон, то хоть как-то его идентифицировать, интерпретируя в более или менее определенных терминах: *<...> они тут заспорили, что же такое само «беспредельное». Кто выдвигал гипотезу,*

² Подробнее см. раздел «Философские проблемы вакуума»: Косинов Н. В., Гарбарук В. И., Поляков Д. В. Энергетический феномен вакуума – 2. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/kosinov_n/16/ (дата обращения 25.08.2014).

что это вечно молодое вращательное движение, кто, что это вечно во времени и бесконечное в пространстве **вещество**, третьи, что это некое **божественное начало**, противостоящее веществу, а четвертые, что «бесконечное» это – **Время** как закон (I, 16). Одна из попыток такой идентификации (а именно – отождествление с понятием вещества, материи) отчетливо обнаруживает стремление придать Апейрону статус «стойхейон»: *Межеумович сходу привел цитату древнего Гегеля: – «<...> его <Анаксимандра> предметное начало не выглядит материально, и оно может быть принято за мысль: ясно, однако, <...> что он понимает под ним не что иное, как материю вообще <...>»* (I, 16). Однако логика «исторического и диалектического» Межеумовича, упорно «вербующего» милетцев в «стихийные материалисты», не устраивает глобального человека, который продолжает сомневаться и искать альтернативную трактовку Апейрона, повторно обращаясь к высказываниям самого Анаксимандра, а не его толкователей.

«Вынося» ту или иную проблему на обсуждение симпозиастов, Колупаев, как правило, делает автора исходной идеи одним из участников дискуссии, давая ему возможность высказаться от первого лица (или «как бы от первого лица», вкладывая в уста автора слова интерпретатора) и даже вступить с оппонентами в диалог, хотя и не все колупаевские персонажи-философы этим «пользуются»; так, например, если «огненный» Гераклит спорит со всеми и каждым, то милетцы ведут себя невозмутимо и с достоинством: как и Фалес, Анаксимандр высказывается по проблеме первоначала кратко и не пытается поправить своих толкователей, принципиально придерживаясь неопределенности. Апейрон у Анаксимандра всегда только «какой», но не «что»; философ избегает прямого наименования первоначала, перечисляя лишь его процессуальные и качественные признаки (движущееся, беспредельное, безначальное, начинающее, всеобъемлющее и всем управляющее, божественное, бессмертное и неуничтожимое):

<Анаксимандр> – Начало – это вечное движение <...>.

– А что же это у тебя вечно движется? – поинтересовался Сократ.

– Нечто беспредельное, потому что у него нет начала, но оно само есть начало других вещей и оно все объемлет и всем управляет. Оно божественно, ибо бессмертно и неуничтожимо (I, 16).

На первый взгляд, в словах Анаксимандра присутствует ряд положительных определений Апейрона, но ни поодиночке, ни в комплексе они не являются его специфическими (дифференцирующими) признаками, что и обеспечивает возможность переноса их на другие объекты интерпретаторами. По сути, единственным «собственным» признаком Апейрона оказывается его неопределенность – точнее, отсутствие положительного определения. Это делает понятие Апейрона сугубо апофатическим и неизбежно сближает его с категорией непознаваемого и неизъяснимого божественного (ср. апофатическое богословие и наименование божества, подобные старославянскому *неиздреченьникъ*). Именно поэтому таким соблазнительным оказывается для глобального человека отождествление Апейрона и Времени, загадку которого он пытается разрешить самостоятельно и при помощи других персонажей с самого начала романа, ср.: *Я хочу знать, что такое Время* (I, 1) и *А может, <...> апейрон – это полубожественное Время?* (I, 16). Апофатические определения ранее не могли устроить глобального человека как физика, представителя точного знания, ср.: *меня интересует только Пространство, Время, Жизнь, Смерть, Бог. Причем именно физические аспекты этих проблем, а не, например, этические или моральные* (I, 16), но постепенно он начинает понимать, что то знание, к которому он стремится, недостижимо: отрицающие предел категории нельзя познать научным методом, как раз утверждающим предел. Осознав ограниченность институционального знания, глобальный человек встает на путь персонального познания, предполагающего обязательность лично-

стного вложения и актуализации «нефизического» взгляда на объект – взгляда, который прежде отбрасывался как непродуктивный.

Таким образом, выбор глобального человека по «анаксимандрову вопросу» не может быть сделан в пользу готового ответа (который Межеумович легко «извлекает» из институционального текстового наследия), и поиск продолжается. Вместе с тем нельзя отрицать ценности изначальной интуиции глобального человека об Апейроне-«архе», представленной как акт анамнесиса, прорыва к эйдосу из материального мира, к «афинскому» из «сибирской» реальности.

Апейрон пифагорейцев и гераклитова диалектика предела и беспредельного

Пифагорейская трактовка Апейрона, как и ее производные, в тексте романа «Сократ Сибирский Афин» являются терминологически выделенными, никогда не именуясь «Апейрон». Это, как представляется, не является сугубо авторским ходом: Колупаев в данном случае во многом следует сложившейся в научно-философской литературе традиции использовать при описании учения Анаксимандра прямого заимствования, а при описании прочих теорий – кальку. Казалось бы, это могло бы удачно подчеркнуть различия и самостоятельный характер концепций Анаксимандра и пифагорейцев, однако четкого противопоставления здесь нет. Дело в том, что калькирование связки терминов «Апейрон – Перас» в варианте «Беспредельное – Предел» не является устоявшимся способом передачи одной из ключевых терминологических оппозиций пифагорейцев, поскольку и в их трудах сохраняется противоречивая характеристика Апейрона одновременно как неопределенного и беспредельного; в частности, это касается понимания сущности противостоящей Монаде Диады, ср. у Колупаева: <...> *Единице противопоставляется неопределенная двоица, в которой заключается беспредельность* <...> (I, 30); вместе с тем существенным отличием пифагорейского понимания Апейрона является его явная аксиологическая нагруженность. Действительно, у милетцев неопределенность / беспредельность нейтральна: <...> *дело даже было не в том, что глубина эта была огромной, а просто неопределенной и все* (I, 10) или потенциально положительна: *Оно божественно, ибо бессмертно и неуничтожимо* (I, 16); у пифагорейцев (в романе – у самого Пифагора) это всегда отрицательно оцениваемый член оппозиции, о чем свидетельствует продолжение приведенной выше цитаты: <...> *беспредельность, беспорядочность и всякая, так сказать, бесформенность в себе* (I, 30), а также целый ряд других контекстов: *Пифагор был враг всего безмерного и неограниченного – всякой неумеренности, невоздержания, беззакония* (I, 25); <...> *у Пифагора фундаментальные противоположности выступали в наиболее научном виде, сохраняя свой полярный характер, означающий, что один из членов каждой пары воспринимается как нечто положительное, доброе, благоприятное, другой же член имеет противоположную окраску. <...> Идея предела <...> всегда сочеталась с идеями законности, совершенства, оформленности, порядка, Космоса. <...> Всему этому противостояло беспредельное с присущими ему характеристиками беспорядка, бесформенности, незаконченности, несовершенства* (I, 29).

Маркирование беспредельного как отрицательного обуславливает его подчиненную роль в мироустройстве: *Единице же как причине подлежит как веществу неопределенная Двоица* (I, 29). Если Апейрон милетцев – пустота не только содержательная, но и, видимо, саморазвивающаяся, ср.: *Предшественник Пифагора, <...> Анаксимандр, признавал началом всего беспредельное: мир сложился из нескольких основных противоположностей, заключавшихся в беспредельном пространстве и снова разрешающихся в него в процессе вечного движения* (I, 30), то беспредельное пифагорейцев инертно и требует организующего начала:

По учению Пифагора, **из одного беспредельного нельзя объяснить определенное устройство, определенные формы вещей, существующих раздельно.** <...> из одного пространства нельзя объяснить <...> тел. Тело ограничивается плоскостями, плоскости линиями, линии точками, образующими предел линии (I, 30). Отсюда и специфика пифагорейской космогонической концепции, также оперирующей понятием первоначала, но исключительно как первоначала-«стойхейон», которое само по себе не может стать «архе»: *Исходным состоянием мира, согласно Пифагору, <...> было некое беспредельное начало, которое отождествлялось им то ли с безграничной пустотой, то ли с воздухом.* <...> пифагоровская пустота – это скорее **неоформленная, не имеющая ни границ, ни внутренних членений воздушная бездна.** В этой бездне зародилась огненная Единица, сыгравшая роль семени или зародыша, из которого развился Космос. Эта Единица росла <...> **втягивая (вдыхая!) прилегавшее к ней беспредельное, она ограничивала его и оформляла.** <...> Все дальнейшее есть не что иное, как процесс последовательного **оформления космообразования числами** (I, 30). В этом пассаже не только излагается пифагорейский взгляд на возникновение Космоса, но и как бы «нивелируются» милетские первоначала: Апейрон (некое **беспредельное начало**), Воздух (то ли с безграничной пустотой, то ли с **воздухом**), Вода (**воздушная бездна**); показательно и появление Огня (**огненная Единица**), который является началом разрушающим и тем самым реализующим предел.

Образ огненной Единицы вписывает в пифагорейскую традицию понимания Апейрона еще одного античного философа и персонажа «Сократа Сибирских Афин» – Гераклита; правда, в его концепции взаимодействие предела и беспредельного носит несколько иной характер, чем у пифагорейцев. Подходя к пониманию этого взаимодействия диалектически, Гераклит рассматривает его как единство и борьбу противоположностей, что делает его мир не гармонично-единым, а изначально двойственным, антиномичным, парадоксальным: *Он <Гераклит> хочет сказать, что мир **противоречив и «неопределен»** <...>. **Нельзя с определенностью утверждать, например, что Мир-Космос в своей основе разумен или неразумен, прекрасен или безобразен, целесообразен или нет, есть ли покой или движение и так далее.** Скажешь, милый, что такая «**неопределенность**» является **парадоксом**? Но именно эту парадоксальность мира и самой человеческой жизни и стремится выразить Гераклит* (I, 38).

Платон и Аристотель: голоса «из-за предела»

Как указывалось выше, современные историки философии, трактуя Апейрон как «внеавторскую» для античности категорию, отмечают существенный вклад в ее разработку Платона и Аристотеля (иногда, кстати, даже настаивая на том, что они-то ее как таковую и сформировали, см. [Лебедев, 1978]). Развитие пифагорейской оппозиции предела и беспредельного видят в платоновском противопоставлении эйдоса и пространства, а также в аристотелевском – формы и материи [НФЭ, 2010, т. 1, с. 146].

Эта часть содержания философского концепта «Апейрон» прямого отражения в «Сократе Сибирских Афин» не находит, поскольку ни Платон, ни Аристотель его персонажами не являются, находясь «за пределами» художественного мира романа. Здесь, правда, нужно сделать некоторые оговорки.

Платон появляется в заключительной главе «Сократа Сибирских Афин» («Эпилогесе») как воплощение наконец-то обретшего имя и судьбу глобального человека. На протяжении всего романа именно он пытается собрать ключевые смыслы воедино, синтезировать непротиворечивую картину мира. Основная стратегия глобального человека – слушать и пытаться понять; отсюда его молчаливость и оформление своей точки зрения с использованием модальных средств,

выражающих неуверенность, осознание субъективности своего взгляда на вещи: *А может, <...> апейрон – это полубожественное Время* (I, 16). В то же время он оказывается более чутким, восприимчивым, тонким интерпретатором чужих концепций и уж точно большим диалектиком, чем Межеумович, позиционирующий себя в качестве такового, но на каждом шагу позволяющий себе безапелляционные суждения: *оно может быть принято за мысль: ясно, однако, <...> что он понимает под ним не что иное, как матерью вообще <...>* (I, 16).

Что же касается Аристотеля, то он важен для Колупаева прежде всего как систематизатор философских учений античности, ясно видящий зарождение идеи и способный проследить ее филиацию, а также посредник, в случае утраты подлинных работ древнейших мыслителей становящийся единственным источником ценной информации; незримое присутствие этого философа на страницах фантастической пародии обеспечивается неоднократным использованием его трудов в качестве прототекстов (образцов для «перепева»), в том числе и во фрагментах, связанных с Апейроном.

Таким образом, можно утверждать, «Апейрон» является одним из ключевых концептов античного философского дискурса и идиодискурса В. Д. Колупаева. Вне зависимости от трактовки он может занимать ядерное положение в картине мира (как таковой либо как родовой заместитель «отрицательных» компонентов целого ряда бинарных концептуальных оппозиций).

Синтезирование «афинского» слоя концепта «Апейрон» представляет собой первый уровень пародирования-«перепева» Колупаевым античного философского наследия; это своеобразная художественная *адаптация* одноименного концепта античной физической и метафизической картины мира, за которой следует *интерпретирующая* часть – «сибирский слой» концепта.

Несмотря на неснимаемую амбивалентность семантики концепта в его «афинском» ядре, можно с уверенностью утверждать, что в рамках синтезирования периферийных («сибирских») компонентов наибольшее развитие получит пифагорейская трактовка Апейрона, ср.: *Эта пара <«предел» и «беспределное»> была вообще характерна для сибирского эллинского мироощущения* (I, 29). Данное направление естественным образом задает смысловые акценты в синтезировании «сибирского» слоя концепта (отсутствие *количественного* предела + *негативная* оценка), что обуславливает преобладание в тексте «Сократа Сибирских Афин» репрезентантов, формирующих своеобразную рубрику «*дурная бесконечность*». Описание этого фрагмента концепта «Апейрон» является ближайшей перспективой нашего исследования.

Список литературы

Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. СПб.; М., 1999. Т. 1: Свет неведочерный.

Колупаев В. Д. Сократ Сибирских Афин: Фантаст. пародия. Томск, 2007.

Лебедев А. В. ТО АΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 39–54; № 2. С. 43–58.

Никиенко И. В. О смысловой структуре концептов, воплощающих идею первоначала в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева (на материале концепта «Вода») // Русская речевая культура и текст: Материалы VII Междунар. науч. конф. / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск, 2012. С. 142–150.

НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Степина и др. М., 2010.

НФС – Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.

I. V. Nikiyenko

**Discursive synthesis of the *Apeiron* concept
in the novel «Socrates of the Siberian Athens»
by Kolupyaev: the Athenian layer**

The discourse of Kolupayev's later prose works is a synthetic phenomenon originating from the interaction of different discourses: scientific and artistic, institutional and personal, and parodic and original. The synthetic discourse of Kolupayev's novel «Socrates of the Siberian Athens» reflects the complexity of the individual world view of the Siberian science fiction writer. At the macro level, the key concepts of his world view have two aspects, the so-called Athenian and Siberian layers. A central place in the conceptual system of the novel is occupied by the concept of *Apeiron* as an integral part of the hyperconcept of the first principle (*arche*). The Athenian layer of *Apeiron* is synthesized in the text of «Socrates of the Siberian Athens» with reliance on the very nonuniform ancient tradition in interpreting this concept, revealing an initial level in the personalization of institutional relationships. It appears that the asymmetric opposition between the indefinite and the infinite, which is revealed within the Athenian layer of the *Apeiron* idioconcept, is also relevant for the Siberian layer.

Keywords: synthetic discourse, individual world view, artistic adaptation of a non-artistic concept, *Apeiron* concept.